

Научная статья
УДК 32+316.344
EDN RQDXOE

Конструирование общероссийской идентичности в условиях геополитического противостояния: теоретико-прикладной анализ

Олег Александрович Артюхин¹, Людмила Леонидовна Иванова²

^{1,2}Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹oart1969@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2580-131X>

²ivanova-ll@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1006-3227>

Аннотация

Введение. Новая геополитическая реальность, сформировавшаяся после посткрымской трансформации, обозначила рубеж, с которого начался цивилизационный поворот в развитии российского общества. Он стал не только ответом на внешнеполитические вызовы, но и проявлением внутренней потребности в переосмыслении национальной идентичности через ценности исторической преемственности и культурного суверенитета. В этих условиях произошла ценностно-нормативная переориентация общественного сознания, направленная на утверждение патриотизма, приоритет национальных интересов и консолидацию общества вокруг духовно-нравственных основ.

Цель исследования заключается в политическом анализе трансформации российской гражданской идентичности, выявление ключевых детерминант и механизмов институционализации новых ценностных ориентиров.

Методологическая основа представляет собой синтез классических и современных подходов, обеспечивающий многоуровневый анализ идентичности в условиях геополитической турбулентности. Исследование опирается на цивилизационную парадигму А. С. Панарина, конструктивистский подход Э. Геллнера и Б. Андерсона, теорию моральных оснований Дж. Хайдта, а также идеи П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности. В рамках моделей Т. Парсонса и Д. Истона анализируются функции политической идентичности в обеспечении устойчивости и адаптивности политической системы. Применяются методы дискурс-анализа, историко-сравнительного и институционального анализа, позволяющие выявить механизмы формирования современной российской идентичности.

Результаты показывают, что генезис новой идентичности детерминирован комплексом экзогенных и эндогенных факторов: глобальной геополитической конкуренцией и трансформацией международных отношений, а также последствиями социально-экономического и ценностного кризиса 1990-х гг. Принятие Указа Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» институционально закрепило традиционные ценности как основу государственной политики, согласуясь с логикой конструирования гражданской идентичности.

Выводы. Современная российская идентичность формируется на основе этатистской модели патриотизма, объединяющей традиции и исторической памяти. Ключевыми проблемами являются обеспечение баланса между инклюзивной гражданской и этнокультурной идентичностью, а также преодоление постсоветского ценностного плюрализма. Эффективность цивилизационной консолидации зависит от способности государства интегрировать разнородные элементы политической культуры в единую систему национальных смыслов.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, политическая идентичность, геополитическая конфронтация, традиционные ценности, патриотизм, политическая социализация, национальные интересы

Для цитирования: Артюхин О. А., Иванова Л. Л. Конструирование общероссийской идентичности в условиях геополитического противостояния: теоретико-прикладной анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 4. С. 181–189. EDN RQDXOE

Original article

Constructing an all-Russian identity in the context of geopolitical confrontation: theoretical and applied analysis

Oleg A. Artyukhin¹, Lyudmila L. Ivanova²

^{1,2}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ oart1969@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2580-131X>

²ivanova-ll@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1006-3227>

Abstract

Introduction. The new geopolitical reality that emerged after the post-Crimean transformation marked the milestone from which the civilizational turn in the development of Russian society began. It became not only a response to foreign policy challenges, but also a manifestation of the internal need to rethink national identity through the values of historical continuity and cultural sovereignty. Under these conditions, there was a value-normative reorientation of public consciousness aimed at affirming patriotism, prioritizing national interests and consolidating society around spiritual and moral foundations.

The **purpose** of the research is a political analysis of the transformation of Russian civic identity, identifying key determinants and mechanisms of institutionalization of new value orientations.

The methodological framework is a synthesis of classical and modern approaches, providing a multi-level analysis of identity in the context of geopolitical turbulence. The research is based on the civilizational paradigm of A.S. Panarin, the constructivist approach of E. Gellner and B. Anderson, the theory of moral foundations by J. Haidt, as well as the ideas of P. Berger and T. Lukman on the social construction of reality. Within the framework of the models of T. Parsons and D. Easton analyzes the functions of political identity in ensuring the stability and adaptability of the political system. The methods of discourse analysis, historical-comparative and institutional analysis are used to identify the mechanisms of formation of modern Russian identity.

Results. The results show that the genesis of a new identity is determined by a complex of exogenous and endogenous factors: global geopolitical competition and the transformation of international relations, as well as the consequences of the socio-economic and value crisis of the 1990s. Adoption of Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated 09.11.2022 «On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» institutionalized traditional values as the basis of state policy, consistent with the logic of constructing civic identity.

Conclusions. As a result of the research, it is concluded that modern Russian identity is formed on the basis of the statist model of patriotism, combining traditions and historical memory. The key issues are ensuring a balance between inclusive civic and ethno-cultural identity, as well as overcoming post-Soviet value pluralism. The effectiveness of civilizational consolidation depends on the ability of the state to integrate diverse elements of political culture into a single system of national meanings.

Keywords: civilizational identity, political identity, geopolitical confrontation, traditional values, patriotism, political socialization, national interests

For citation: Artyukhin O. A., Ivanova L. L. Constructing an all-Russian identity in the context of geopolitical confrontation: a theoretical and applied analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(4):181–189. (In Russ.). EDN RQDXOE

Введение

Геополитический перелом 2014 г. запустил важнейший процесс глубинной трансформации цивилизационной идентичности россиян, который объективно обусловил ценностно-нормативную переориентацию общественного сознания в сторону приоритета национальных интересов и традиционных основ. Как подчеркивает А. С. Панарин, в периоды системных кризисов происходит активизация архетипических пластов общественного сознания, что и наблюдается в России, как реакция на внешние вызовы [1].

Генезис современной социально-политической реальности в Российской Федерации детерминирован сочетанием экзогенных и эндогенных факторов. Ключевой экзогенный фактор характеризуется ужесточением геополитической конкуренции и санкционной политикой коллективного Запада, что было интерпретировано российским политическим классом через парадигму фундаментального ценностного конфликта. Данный подход находит свое теоретическое обоснование в работах А. С. Панарина, рассматривающего дихотомию «Восток – Запад» не как противостояние независимых сущностей, а как циклическое доминирование взаимопроникающих принципов, где в каждой фазе биполушарности «резко усиливаются позиции адептов «чужого» принципа» [2].

Эндогенный фактор выражен в публичном дискурсе вокруг идеи реставрации российской государственности, что связано по мнению О. В. Крыштановской с необходимостью преодоления системной деградации социальных институтов и ценностно-мотивационной сферы, вызванной кризисом 1990-х годов [3].

Институционализация нового политического курса связана с принятием Президентом РФ Указа от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», легитимизировавшего традиционные духовно-нравственные ценности в качестве нормативной основы государственной политики, что коррелирует с теорией моральных оснований, разработанной Дж. Хайдтом и адаптированной к российскому социокультурному контексту рядом отечественных исследователей [4–5]. По мнению ученого, моральное сознание представляет собой многокомпонентную систему, структурированную вокруг шести фундаментальных оснований: забота, справедливость, лояльность, авторитет, чистота и свобода. Каждое из них формирует общечеловеческие добродетели и поведенческие паттерны, определяя восприятие индивидом социальной реальности и политических ценностей.

Упомянутый нами Указ определяет ценности, как мировоззренческие конструкты, формирующие российскую гражданскую идентичность в единое культурное пространство, тем самым реализуя принципы конструктивистского подхода к нациестроительству, теоретиками которого являются Э. Геллнер [6] и Б. Андерсон [7]. Согласно тексту документа традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, транслируемые межпоколенчески и составляющие основу гражданского единства многонационального народа России. К их числу отнесены: патриотизм, служение Отечеству, историческая память, приоритет духовного над материальным, семья, коллективизм, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, единство народов России. Таким образом, Указ № 809 представляет собой не только инструмент ценностной политики, но и важный элемент стратегии конструирования гражданской идентичности в условиях современных геополитических вызовов.

Цель статьи состоит в выявлении и комплексном изучении процессов и механизмов трансформации гражданской идентичности в современной России с учетом институционализации новых ценностных ориентиров, их интеграции в стратегию государственной политики и переориентации общественного сознания.

Теоретические основы

В современной научной литературе наблюдается устойчивый исследовательский интерес к аксиологическим основаниям идентичности. В самом широком смысле идентичность в русском языке понимается как «тождественность» или «равнозначность», такое осознание данного понятия зафиксировано в начале прошлого века в различных научных изданиях. Однако, по мнению российских исследователей Т. В. Беспаловой и В. Н. Расторгуева, концепт идентичности «нуждается в пояснении, т.к. каждая эпоха формирует собственное понимание и содержательную значимость этого феномена» [8]. Значительный вклад в понимание ее природы вносит концепция Ю. Хабермаса [9], рассматривающая идентичность как сформулированное, рожденное обществом ощущение солидарности, единства.

Интенсивное междисциплинарное осмысление идентичности на протяжении последних двух десятилетий привело к признанию ее полиморфной природы, однако одновременно эксплицировало ряд неразрешенных методологических проблем.

Центральной гносеологической дилеммой остается онтологический статус идентичности: является ли она субстанциональной категорией, обладающей объективным содержанием, или же представляет собой дискурсивную конструкцию, которая служит инструментом репрезентации субъективного опыта в публичном пространстве. Эпистемологическая значимость данной проблемы заключается в ее непосредственном влиянии на понимание механизмов политической субъективации и конструирования публичного пространства.

Не менее существенной методологической проблемой является дихотомия «я» и «мы» идентичностей, исследуемой в рамках социальной психологии Анри Таджфелем и Джоном К. Тернером [10]. Теоретики объясняют базовые механизмы упрощения сложной социальной реальности через понятия «ингрупп» и «аутгрупп». Данный теоретический конструкт позволяет дать содержательный ответ на ключевой вопрос политической аксиологии – каким образом формируется и воспроизводится феномен национальной солидарности, побуждающий индивидов испытывать гордость за свою нацию и оказывать ей поддержку даже в условиях конфликтного противостояния. С позиции теории социальной идентичности национальная принадлежность выступает мощнейшей формой «мы» идентичности, поскольку обеспечивает индивиду доступ к позитивной социальной идентичности через восприятие собственной группы как уникальной и обладающей непреходящей ценностью.

В политическом измерении данный механизм активно инструментализируется институтами власти. Властные группы целенаправленно укрепляют свою легитимность, позиционируя себя как единственного истинного представителя и защитника «мы» идентичности. Как следствие, диалектическое соотношение личностной автономии и коллективного самосознания приобретает характер ключевого фактора, детерминирующего не только ценностные ориентиры, но и конкретные модели политической коммуникации и социальных практик в современных обществах.

Таким образом, методологическая рефлексия над природой идентичности остается императивом современной политической науки, требуя дальнейшего синтеза философских, социологических и политологических подходов для адекватного понимания процессов конструирования политических субъектов в условиях ценностной фрагментации.

Результаты и обсуждение

Современный научный дискурс позволяет структурировать исследование идентичности по нескольким ключевым векторам: идентичность в рамках социально-политического измерения, цивилизационный и политико-культурный ракурс идентичности, идентичность в международном политическом измерении, в пространственном и территориальном контексте и ряде других областей. В данном исследовании мы остановимся на идентичности в рамках социально-политических и культурных ценностей россиян.

В истории развития человечества необходимо выделить несколько этапов которые привели к необходимости процесса идентификации. В архаических обществах, для которых была характерна механическая солидарность, индивидуальная идентичность практически полностью растворялась в коллективной [11]. Как отмечал Васильев Л. С., исследуя генезис восточных деспотий, «первобытный индивид осознавал себя не самостоятельной единицей, а неотъемлемой частью рода или племени» [12]. Особенность социальной структуры общества сводится к архетипической оппозиции «свои» и «чужие», выполнявшая функцию базового механизма социальной демаркации [13].

С переходом к стратифицированным обществам (рабовладельческим и феодальным) доминирующей формой стала аскриптивная идентичность [3], где социальный статус и политическая роль жестко детерминировались происхождением и сословной принадлежностью. Данный этап характеризовался «встроенностью» индивида в жесткую иерархическую структуру, где пространство для личной политической самоидентификации было минимальным.

Кардинальная трансформация происходит с наступлением эпохи модерна и становлением индустриального капитализма. Как убедительно показал Э. Геллнер, именно в этот период возникают предпосылки для формирования сложных, многокомпонентных идентичностей [6]. Классовая принадлежность, профессиональная стратификация, идеологические и партийные предпочтения становятся новыми критериями идентификации. Этот процесс, как указывает Ю. Хабермас, сопровождается усложнением социальных ролей и появлением «новой структурной компоненты – публичной сферы», где и конституируется политическая идентичность [14].

Процесс, который помогает индивиду определиться со своей идентичностью, называется идентификация. Политическая идентификация – это осознание человеком себя как элемента политического процесса, участие в нем, а также принятие/не принятие политических направлений и программ той или иной организации, или действующей власти.

Одной из особенностей политической идентификации является то, что индивид с помощью процесса саморефлексии соотносит себя с определенной политической группой, но с другой стороны участники той или иной политической группы могут соотносить данного гражданина с его политическими взглядами, тем самым «ратифицируют» его политическую идентичность и соотносят ее со своими ролевыми ожиданиями. Результатом такого двустороннего оценочного процесса является обретение конкретным индивидом определенной политической идентичности [15].

В этом контексте политическая идентификация понимается нами как процесс и результат саморефлексии индивида, в ходе которого он осознает свою принадлежность к определенным политическим силам, институтам и практикам, а также принимает или отвергает доминирующие политические программы и направления.

В современной политической науке классификация форм политической идентичности представляет существенный интерес для анализа устойчивости политических систем. В структуре политической идентичности можно выделить два основных типа, различающихся по критерию стабильности:

- базисная (устойчивая) идентичность, формирующаяся в процессе длительной политической социализации и характеризующаяся относительной стабильностью. Данный тип идентичности коренится в устойчивых ценностных ориентациях и политических установках личности;
- ситуативная (конъюнктурная) идентичность, определяемая лабильными факторами внешней среды, например, текущей медийной повесткой или личностью лидера. Данный тип идентичности особенно характерен для периодов социальной нестабильности, когда происходит переоценка ценностей и пересмотр идентификационных моделей [16].

Особый интерес представляет дихотомия позитивной и негативной идентичности. Негативная политическая идентичность, выражаясь в отторжении той или иной политической идеи может проявляться как в эксплицитных протестных действиях, так и в латентных формах непринятия, когда индивид по ряду причин не готов открыто заявить о своей позиции. Согласно Д. Истону, распространение латентных форм негативной идентичности является маркером кризисных или транзитивных состояний политической системы [17].

Процесс конституирования политической идентичности детерминирован механизмами политической социализации, понимаемой как процесс интериоризации политических норм и ценностей. Фактически, политическая идентификация является частью более всеобъемлющего процесса политической социализации, определяемой как процесс поэтапного формирования у индивида когнитивной модели восприятия политической реальности, накопления политического опыта и выработки соответствующих поведенческих стратегий [18]. Как подчеркивал Т. Парсонс, именно через социализацию происходит «инкорпорация личности в нормативно-ценностную систему общества» [19]. В политическом измерении это предполагает усвоение человеком комплекса политических норм, регламентирующих границы допустимого политического поведения.

В соответствии с классической концепцией П. Бергера и Т. Лукмана [20], процесс политической социализации структурируется на две последовательные фазы:

- первичная политическая социализация – как этап интериоризации базовых политических норм и ценностных ориентаций, доминирующих в данном обществе;
- вторичная политическая социализация – как процесс накопления специализированных политических знаний, опосредующих приобретение нового политического опыта через непосредственное участие в политических практиках. Вторичная социализация обеспечивает адаптацию и корректировку политических установок личности в условиях изменяющейся социально-политической среды.

Данная теоретическая модель позволяет анализировать формирование политической идентичности как динамического процесса, обусловленного как стабильными социально-культурными факторами, так и текущим политическим контекстом.

Распад Советского Союза инициировал системную трансформацию российской национально-государственной идентичности, сопровождавшейся пересмотром исторических нарративов, ценностно-нормативных оснований и социокультурных ориентиров. Будучи определенной системой национальных ценностей, признаваемая и разделяемая гражданами, политическая идентичность выступает фундаментом в формировании патриотического сознания. Политическая идентификация

с определенными национальными идеями и убеждениями создает особый близкий по духу образ страны, благодаря которому происходит формирование вектора патриотических настроений, основа которых – поддержка государственной политики и защита суверенности государства.

Уникальность территориального расположения Российской Федерации между Западом и Востоком, а также богатые культурные традиции, характерные для современного российского общества, поиск новых векторов политического развития в эпоху глобализации оказывают серьезное воздействие на процесс становления политической идентичности в нашей стране. Но, в свою очередь, именно этот факт является причиной снижения уровня политического сознания российских граждан. Как отмечают российские исследователи, в современном российском обществе наблюдается парадоксальный плюрализм в интерпретации исторического прошлого, который проявляется не только в профессиональных исторических кругах, но и в общественном сознании. Существует широкий спектр противоречивых мнений относительно основных исторических событий в прошлом России, а также различные взгляды на то, как история сформировала нынешний политический и экономический ландшафт страны [21].

В условиях современной геополитической конфронтации, сочетающей элементы информационного противоборства с реальными военно-политическими действиями, наблюдается целенаправленная реконфигурация ценностных оснований российского общества с акцентом на традиционные духовно-нравственные ценности, поскольку «иерархия ценностей, характерная для осознания цивилизационной принадлежности позволяет сохранить преемственность культур и неизменную, т. е. подлинную идентичность» [8]. Этот процесс соответствует теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, где укрепление традиционных ценностей становится ответом на внешние вызовы [22].

В контексте современных международных отношений историко-политический нарратив становится ключевым объектом дискурсивного противостояния, что находит теоретическое осмысление в концепции «секьюритизации» исторической памяти [23]. В условиях информационных войн происходит целенаправленная деконструкция сложившихся исторических представлений, на которых базируется национальная идентичность. Этот феномен соответствует теории «мягкой силы», разработанной Дж. Наем, однако в данном случае мы наблюдаем ее инверсию – использование информационных инструментов для ослабления геополитических конкурентов.

Особую репрезентативность данный процесс приобретает в контексте подготовки нашей страны к празднованию восьмидесятилетия победы в Великой Отечественной войне. Страна оппонентами были предприняты не только попытки игнорировать данный праздник, но и начать дискурсивный конфликт с искажением фактов о победе, и релятивизации роли СССР в разгроме нацизма. Губарев О. Н. характеризует такие действия как «дискурсивную агрессию», направленную на подрыв ценностных оснований патриотизма, который является центральным элементом государственного курса современной России [24].

Ответные меры Российской Федерации, направленные на подтверждение своего цивилизационного статуса, соответствуют логике «цивилизационного реализма», где защита исторической правды становится вопросом национальной безопасности. Институциональное закрепление данного курса направлено на укрепление патриотического сознания и консолидацию общества вокруг идеи национального величия и исторической преемственности.

В контексте формирования общероссийской гражданской идентичности сохраняет свою актуальность теоретическая и практическая проблема балансирования между инклюзивными и эксклюзивными моделями патриотизма. Как отмечает Бережная Н. В., в теоретической дихотомии патриотизма инклюзивная модель основана на добровольном гражданском выборе, тогда как эксклюзивная, напротив, ассоциируется с авторитарными политическими культурами [25], что порождает дискуссии о содержательных параметрах современного российского патриотизма.

Патриотизм, как ценностно-политический конструкт, представляет собой комплекс взаимосвязанных идейных установок, убеждений и практик, детерминирующих когнитивные и поведенческие паттерны гражданской самоидентификации. Анализ современного общественного дискурса позволяет выявить синтез осознанной гражданской ответственности и разделения базовых ценностных ориентаций. Этот синтез находит теоретическое обоснование в концепции «воображаемых обществ» Б. Андерсона, где патриотизм выступает инструментом консолидации нации вокруг разделяемых символов и ценностей [7].

В последние годы мы можем наблюдать укрепление этатистской модели патриотизма, с доминирующим вектором лояльности государственным институтам и политическому руководству.

Как утверждает Волков М. П., «этатистская модель государства вытесняет из сознания и души человека такой духовный феномен, как Родина, заменяя его собой» [26, с. 8]. Институциональное закрепление данной модели осуществляется через систему образовательных программ и деятельность молодежных движений, целенаправленно формирующих ценностные ориентации молодежи.

Интегративная функция патриотизма в процессе формирования национальной идентичности приобретает особое значение в условиях современных геополитических вызовов. Перефразируя Д. Истона, утверждавшего, что легитимность политической власти зависит от соответствия моральным принципам людей, их представлениям о справедливости и правильности предлагаемых властью решений, можем заключить, что легитимность политической системы во многом зависит от способности власти мобилизовать патриотические чувства граждан [27]. Как феномен – патриотизм обладает выраженным идеологическим измерением, задающим систему координат в восприятии гражданской роли и оценки политической действительности как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. Императивом современной государственной политики становится трансформация патриотизма в идеологическую систему, обеспечивающую легитимацию властных решений, социокультурную интеграцию и мобилизационную готовность населения.

Выводы

Современная российская идентичность формируется в условиях целенаправленной реконфигурации ценностных оснований общества, инициированной геополитическим противостоянием. Ключевым трендом становится институализация этатистской модели патриотизма, синтезирующей традиционные ценности, историческую память и лояльность государственным институтам. Данный процесс, однако, сталкивается с фундаментальными вызовами, включая необходимость балансирования между инклюзивной гражданской и этнокультурной идентичностью, а также преодоления ценностного плюрализма в интерпретации исторического наследия. Успех консолидации российского общества вокруг новой идентификационной матрицы будет определяться способностью государства обеспечить эффективную интеграцию разнородных элементов политической культуры в единый идеологический конструкт.

Список источников

1. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 492 с.
2. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999. 288 с.
3. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 381 с.
4. Сычев О. А. Теория моральных оснований: современный взгляд на психологические факторы политических убеждений // Социальная психология и общество. 2023. 14(1). С. 5–22. EDN: JHVSMV. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140101>
5. Атнашев Т., Калинин В. Праведный разум: Джонатан Хайдт в поисках моральных оснований политики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 4. Том. 39. С. 279–312. EDN: ZFDWVM. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-279-312>
6. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 794 с.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
8. Беспалова Т. В., Расторгуев В. Н. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. М.: Институт наследия, 2017. 224 с.
9. Хабермас Ю. В. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи / Перевод с немецкого. Донецк, Издательство «Донбасс», 1999. 123 с.
10. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / In: Jost J. T and Sidanius J. (Eds.). Political psychology. New York, NY: Psychology Press. 2004. P. 276–293.
11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991. 572 с.
12. Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. / В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60–99.
13. Арекеева Ю. Е. Философское осмысление оппозиции «свой – чужой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.

14. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Пер. А. Т. Атнашев. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.
15. Качанов Ю. Л. Опыты о поле политики. М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. 159 с.
16. Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О. И. Зазнаева; Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань: Отечество, 2011. 230 с.
17. Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf, 1953. 320 p.
18. Акиншева И. П. Политическая социализация в контексте социализационного процесса // Человек. Наука. Социум. 2022. № 4-2 (12). С. 80-97. EDN: OQHULQ
19. Парсонс Т. Система современных обществ. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография. [Электронный ресурс – Гуманитарный портал]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5403> (Дата обращения: 07.10.2025)
20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
21. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2014. 571 с.
23. Buzan B. *New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century* // *International Affairs*, 1991, N 3. P. 430-443.
24. Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования: автореф. дисс. ... канд. политич. наук. Уссурийск, 2005. 170 с.
25. Бережная Н. В. Философия инклюзивности и эксклюзивности современного патриотизма // Q.E.D. Медиация: политика, философия, право. 2023. № 1. URL: mediare.esrae.ru/51-161
26. Волков М. П. Патриотизм и этатистская модель государства: точки напряжений / В сб.: Формирование российского патриотизма: опыт интернационализма XX века и современный этатизм: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2017. С. 4–9.
27. Истон Д. Системный анализ политической жизни (1965) / Политология : хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М., 2000. С. 319–331.

References

1. Panarin A.S. *Orthodox civilization in the global world*. Moscow: Algorithm, 2002. 492 p. (In Russ.)
2. Panarin A.S. *Russia in the cycles of world history*. Moscow; 1999. 288 p. (In Russ.)
3. Kryshchanovskaya O.V. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov; 2005. 381 p. (In Russ.)
4. Sychev O.A. Theory of moral grounds: a modern view on the psychological factors of political beliefs. *Social psychology and society*. 2023;14(1):5–22. (In Russ.) EDN: JHVSMV. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140101>
5. Atnashev T., Kalinin V. The Righteous mind: Jonathan Haidt in search of the moral foundations of politics. *The state, religion, and the Church in Russia and abroad*. 2021;4(39):279–312. (In Russ.) EDN: ZFDWVM. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-279-312>
6. Gellner E. *Nations and nationalism*. Translated from English by T. V. Brednikova, M. K. Tyunkina; edited and afterword by I. I. Krupnik. Moscow: Progress; 1991. 794 p. (In Russ.)
7. Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Translated from English by V. Nikolaev; introduction by S. Bankovskaya. Moscow: CANON-press-Ts; Kuchkovo pole; 2001. 288 p. (In Russ.)
8. Bepalova T.V., Rastorguev V.N. *Patriotism and Russian civilizational identity in modern Russian society*. Moscow: Institute of Heritage; 2017. 224 p. (In Russ.)
9. Habermas Yu.V. *In search of national identity. Philosophical and Political articles*. Translated from German. Donetsk: Publishing House «Donbass», 1999. 123 p. (In Russ.)
10. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Jost J. T and Sidanius J. (Eds.). *Political psychology*. New York, NY: Psychology Press; 2004:276–293.
11. Durkheim E. *On the division of social labor*. Moscow: Nauka; 1991. 572 p. (In Russ.)
12. Vasiliev L.S. The phenomenon of power-property. On the problem of the typology of precapitalist structures. In: *Types of social relations in the East in the Middle Ages*. Moscow; 1982. P. 60–99. (In Russ.)
13. Arekeeva Yu.E. Philosophical understanding of the «friend–foe» opposition. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2023;(2):31–38. (In Russ.)

14. Habermas Yu. *A new structural transformation of the public sphere and deliberative policy*. Translated by AT. Atnashev. Moscow: New Literary Review; 2023. 104 p. (In Russ.)
15. Kachanov Yu.L. *Experiments on the field of politics*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; 1994. 159 p. (In Russ.)
16. *Political identity and Identity politics: Essays*. Edited by O.I. Zaznaev; Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan: Fatherland; 2011. 230 p. (In Russ.)
17. Easton D. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf; 1953. 320 p.
18. Akinsheva I.P. Political socialization in the context of the socialization process. *Science. Socium*. 2022; 4-2(12):80–97. (In Russ.)
19. Parsons T. *The system of modern societies. On the construction of the theory of social systems: an intellectual autobiography*. [Electronic resource – Humanitarian portal]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5395/5403/> (In Russ.)
20. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Translated by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.)
21. *Historical memory and Russian identity*. V.A. Tishkov, E.A. Pivneva (eds.). Moscow: RAS; 2018. 508 p. (In Russ.)
22. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Translated from English by T. Velimeeva. Moscow: AST; 2014. 571 p. (In Russ.)
23. Buzan B. New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century. *International Affairs*. 1991;(3): 430–443.
24. Gubarev A.B. *Information wars as an object of political science research: abstract. diss. ...* Candidate of Political Sciences. Ussuriysk; 2005. 170 p. (In Russ.)
25. Berezhnaya N.V. Philosophy of inclusivity and exclusivity of modern patriotism. *Q.E.D. Mediation: politics, philosophy, law*. 2023;(1). Available from: mediare.esrae.ru/51-161. (In Russ.)
26. Volkov M. P. Patriotism and the statist model of the state: points of tension. In: *The formation of Russian patriotism: the experience of internationalism of the XX century and modern statism: collection of scientific papers*. Ulyanovsk: UlSTU; 2017. P. 4–9. (In Russ.)
27. Easton D. System analysis of political life (1965). In: *Political Science : Anthology*. Comp. M. A. Vasilik, M. S. Vershinin. Moscow; 2000. P. 319–331. (In Russ.)

Информация об авторах

О. А. Артюхин – кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и этнополитики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления; доцент кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет.

Л. Л. Иванова – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и этнополитики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the authors

O. A. Artyukhin – Cand. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management; Associate Professor of the Department "Theory and History of State and Law", Don State Technical University.

L. L. Ivanova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.